

Услышав слова Цзян Лу, мысли Ли Тана взорвались. Будучи самопризнанным геем еще со средней школы, Ли Тан был знаком с подобными вещами. Однако, даже когда они делили комнату и кровать, Цзян Лу сохранял спокойствие, что навело Ли Тана на мысль, что Цзян Лу не совсем гей и все еще стесняется быть с другим парнем.

Хотя он не сопротивлялся их поцелуям, даже проявляя настойчивость и пылкость... это было нечто большее, чем простое поцелуй. Им предстояло узнать и изучить все, прежде чем решить, готовы ли они принять это.

Испытывая одновременно тревогу и нервозность, Ли Тан испугался, что его неправильно понял, и прошептал:

— Ч-что сделаешь?

В ответ лицо Цзян Лу приблизилось, и он поцеловал его в губы.

Затем поцелуи в мочку уха, шею.

Ниже теплое дыхание коснулось кожи на краю лопатки, вызвав дрожь, прежде чем приземлиться на ключицу под шеей.

Только тогда Ли Тан понял, что его рубашка расстегнута, но застегивать ее было уже поздно. Чуть сухие губы Цзян Лу прижались к внутренней стороне ключицы, ближе к груди, и вдруг нежно пососали, оставив на коже легкую влагу, отчего Ли Тан резко вздохнул.

Он услышал хриплый голос Цзян Лу, произнесший:

— Конечно, сделаем это.

Ли Тан почувствовал, как его горло сжалось, а сердце бешено забилося, словно пытаясь вырваться из оков и выскочить из груди.

— Но у нас нет... — Ли Тан запинался. — У нас нет...

Он не мог заставить себя сказать это.

Цзян Лу рассмеялся, откинувшись назад и снова позволив свету лампы упасть на Ли Тана.

Но Цзян Лу стоял на свету, поэтому Ли Тан не мог ясно разглядеть выражение его лица.

— Ты действительно собирался позволить мне поступить по-своему, да? — спокойно спросил

Цзян Лу. — Здесь? В этом месте?

В этот момент внимание Ли Тана переключилось на другое. Он смотрел на выступающий кадык на шее Цзян Лу, наполовину скрытый в тусклом свете.

Давным-давно Ли Тан находил эту часть тела Цзян Лу необычайно сексуальной. Когда Цзян Лу тяжело дышал, сглатывал или говорил, она неровно двигалась под его кожей.

Ему хотелось прикоснуться к нему.

Повинуясь порыву, Ли Тан протянул руку и легонько погладил его.

— Что с этим местом не так? — сказал Ли Тан. — Это твой дом, твоя кровать... лучшего места, чем это, нет.

Почувствовав, как шишка под кончиками пальцев резко перекатилась, его внезапно схватили за запястье, Цзян Лу снова наклонился, положив подбородок на открытое плечо Ли Тана.

Его дыхание было тяжелым, выдержка — сдержанной. Взгляд Цзян Лу был глубоким и пронзительным, в нем таились бурные эмоции.

— Я дам тебе еще один шанс, — прошептал Цзян Лу на ухо Ли Тану. — Я дам тебе еще один шанс. Если хочешь бежать, еще не поздно.

В конце концов Ли Тан сбежал.

Он выбежал из спальни в гостиную.

Не то чтобы он сожалел о том, что искушал Цзян Лу; просто ему не хватало опыта и необходимых инструментов. Ли Тан не хотел, чтобы их первый раз стал для них обоих тяжелым воспоминанием. Он привык тщательно планировать действия, сводя к минимуму вероятность непредвиденных ситуаций.

Успокоив бешено колотящееся сердце, Ли Тан вспомнил смелые слова, сказанные им ранее, и жар, только что покинувший его лицо, вернулся, заставив его сильно покраснеть.

Цзян Лу тоже вышел из внутренней комнаты, его лицо было холодным, он направился прямо к раковине, открыл кран и полил себе на голову ледяную воду.

Ли Тан от стыда закрыл лицо и долго не мог прийти в себя.

Зимние каникулы во время второго года обучения были изначально короткими, если не считать кануна Нового года и весеннего фестиваля, а если учесть зимний лагерь, то и дней почти не осталось.

В начале каникул учащиеся были заняты выполнением домашнего задания, надеясь избежать незаконченных дел позже.

Ли Тан не был исключением. Днем он писал домашнее задание вместе со всеми в Tree House, а по вечерам корпел в своей комнате. Когда все его внимание было сосредоточено на чем-то одном, время летело незаметно.

Не успел он опомниться, как наступил день отъезда в зимний лагерь. Ли Тан проснулся рано, вчера вечером собрал рюкзак вместе с тетушкой и попрощался с матерью перед отъездом. Чжан Чжаоюэ напомнила ему быть осторожным и позвонить ей, если что-то случится.

— Всего три дня и две ночи, — Ли Тан поправил рюкзак. — Я скоро вернусь.

Садясь в автобус до соседнего города, Ли Тан по привычке сел в последнем ряду у окна, поставив рюкзак рядом с собой, чтобы занять место.

Цзян Лу сел в автобус почти перед самым отправлением. Ли Тан помахал ему рукой, и он подошел и сел.

— Хочешь сесть у окна? Я могу поменяться с тобой местами, — предложил Ли Тан.

Цзян Лу отказался.

Ли Тан открыл рюкзак, достал напитки и чипсы и протянул их Цзян Лу.

— Поешь по дороге.

Цзян Лу усмехнулся.

Когда Цзян Лу спросили, почему он смеется, он ответил:

— Весенняя прогулка в начальной школе.

Ли Тан моргнул, быстро поняв, что к чему. Цзян Лу имел в виду, как он занимал места и раздавал закуски, словно ученик начальной школы на весенней прогулке.

Смущенный Ли Тан отвернулся и засунул еду между ними, сказав:

— Ешь, когда проголодаешься.

На самом деле, Цзян Лу выглядел уставшим, нежели голодным. Вскоре после того, как машина тронулась, он скрестил руки, закрыл глаза, и его дыхание стало легким и ровным, словно он действительно спал.

Ли Тан тоже не был голоден. Сожрав полпачки чипсов, он от скуки надел наушники и, глядя в окно, блуждал мыслями, изредка возвращаясь к реальности из-за ухабов дороги. Он невольно задумался, где они сегодня ночуют и почему Цзян Лу не в той куртке, которую он ему купил.

На полпути одноклассник раздавал закуски — небольшие пакетики со сладостями, помещенные в бумажную коробку, которые передавались из первого ряда в последний, и каждый ученик брал по одному пакету.

Когда до Ли Тана дошла коробка, она оказалась пустой. Ученик, сидевший перед ним рикнул:

— Мало! Нам не хватает одной пачки!

Мальчик, сидевший первым, обернулся, скользнул взглядом по Ли Тану и заговорил достаточно громко, чтобы все в автобусе услышали:

— Разве не всем хватило?

— Но последний ученик еще не получил его.

— Он изначально не должен был его получить.

На мгновение в автобусе воцарилась тишина, даже девушки, болтавшие с момента отправления, затихли.

Взгляды всех присутствующих были прикованы к последнему ряду, и Ли Тан почувствовал себя в центре внимания, испытывая неловкость.

Он знал, почему на него напали.

Мальчика, раздававшего закуски, звали Чжао Юйтао, он был представителем на физкультуре соседнего второго класса. Ли Тан впервые встретил его на вечеринке в караоке, организованной Чжоу Дунцзе, где Чжао Юйтао высмеивал Цзян Лу, называя его «глухим братом». Его хороший друг, одноклассник по имени Чэнь Чжэньян, согласился.

Проблема заключалась в этом хорошем друге. Чжао Юйтао смог поехать в зимний лагерь,

потому что школьная баскетбольная команда заняла второе место в городском чемпионате по баскетболу среди средних школ. Будучи членом команды, он внес особый вклад в развитие школы. Чжоу Дунцзе также получил право на участие в зимнем лагере по этой причине.

Однако Чэнь Чжэнъян не был членом баскетбольной команды и не выступал на новогодней вечеринке. Поехать в зимний лагерь можно было только попав в тридцатку лучших учеников класса, как Цзян Лу и Ли Цзычу. К сожалению, на итоговом экзамене он оказался тридцать первым, всего в шаге от зимнего лагеря.

Жаловаться было не на что, ведь правила установила школа. Но Чэнь Чжэнъян был очень расстроен, считая, что, будучи одним из лучших учеников класса, он полностью достоин участия в зимнем лагере. Вместо этого, те, кто выступал с программами на новогоднем празднике и был назван людьми с особым вкладом, должны были отказаться от своих мест.

Это заявление было напрямую направлено против Ли Тана и других.

На самом деле, Ли Тан знал, что Чэнь Чжэнъян нападает на него. В тот день за кулисами только он видел, как Чэнь Чжэнъян пытался тайком сфотографировать девушек в гримерке. Хотя Ли Тан считал, что это преследование было необоснованным, в конце концов, он предотвратил дурной поступок Чэнь Чжэнъяна, как он мог быть наказан?

Но принципы были ясны. Ли Тан не считал, что совершил что-то плохое, и уж точно не собирался отступить. Позже Чэнь Чжэнъян пошел в школьную канцелярию, назвал конкретных людей и заявил, что у выступавших на новогодней вечеринке были неудовлетворительные оценки и они не имели права на участие в зимнем лагере, что вызвало бурную дискуссию в классе.

Директору ничего не оставалось, как сказать Чэнь Чжэнъяну, что мест ограниченное количество. Если кто-то готов отказаться от своего места, он может принять участие.

Давление снова переместилось на Ли Тана.

В то время Ли Цзычу планировал помочь Ли Тану, уступив свое место, поскольку сам он не был заинтересован ни в альпинизме, ни в кемпинге. Тогда Ли Тан рассказал Ли Цзычу о поведении Чэнь Чжэнъяна за кулисами новогодней вечеринки, что изменило его решение.

Как сказал сам Ли Цзычу: «Я подумал, что без Хо Сичэня будет скучно, поэтому не планировал участвовать. Но когда ты предложил убрать подглядывающего придурка, я решил, что должен занять это место».

В конце концов, Ли Тан, несмотря на давление, твердо удержался на своем месте, оскорбив группу «хороших учеников», включая Чэнь Чжэнъяна, которые входили в число пятидесяти лучших в классе.

Естественно, он также оскорбил хорошего друга Чэнь Чжэнъяна, Чжао Юйтао.

Поэтому поступок Чжао Юйтао, не дать Ли Тану закуску, был публичным унижением, способом отомстить за друга.

Это была совершенно ребяческая тактика. Ли Тан понимал, что ему не стоит беспокоиться и не стоит принимать это близко к сердцу. Но под пристальным взглядом всех присутствующих он невольно чувствовал себя неловко, словно его изолировали.

Одноклассник, споривший с Ли Таном из-за закуски, тоже замолчал и зашептался с соседом. Ли Тану не нужно было гадать, о чем они говорят.

Ли Тан глубоко вздохнул, намереваясь сделать вид, что не услышал, и притихнуть, как вдруг раздался звук шлепка, что-то упало на землю.

Присмотревшись, он увидел, что Цзян Лу, спавший до этого, каким-то образом проснулся и бросил в проход пакет со сладостями, лежавший у него на коленях.

Он приземлился далеко, прямо у ног Чжао Юйтао.

Чжао Юйтао повернулся и с недоверием посмотрел на Цзян Лу, выражение его лица было таким, будто он был готов вспыхнуть от гнева, но был удержан чрезмерно свирепым взглядом Цзян Лу.

Справедливости ради, между Чжао Юйтао и Цзян Лу были некоторые трения. Присутствовавшие в тот момент одноклассники знали лишь, что Чжао Юйтао и Чэнь Чжэнъян в одностороннем порядке высмеяли Цзян Лу. Даже после инцидента в инвентарной, который вызвал у Чжао Юйтао подозрения в адрес Цзян Лу, отсутствие улик ничего не значило. Чжао Юйтао по-прежнему оставался злодеем, стоящим за злонамеренной клеветой, а Цзян Лу по-прежнему оставался жертвой, которому, присвоили прозвище «глухой брат».

Поэтому Чжао Юйтао неизбежно почувствовал себя смущенным перед Цзян Лу, и под его пристальным взглядом он не посмел издать ни звука и удрученно отвернулся.

Ничего не подозревающий одноклассник поднял пакет с закусками и спросил, кто его бросил. Цзян Лу зевнул и слегка нахмурился, явно недовольный тем, что его разбудили.

— Я выбросил его, — сказал он. — Я никогда не ем ничего неизвестного происхождения. Боюсь, что у меня будет диарея.

Когда они прибыли в соседний город, был уже почти полдень. Прежде чем отправиться в горы, они поели в ресторане.

Они забронировали большой отдельный зал с шестью круглыми столами, где подавали обычную китайскую еду. На каждом столе было по восемь блюд, один суп и неограниченное количество риса.

Из-за небольшого инцидента в автобусе студенты, естественно, разделились на две группы при выходе из автобуса, каждая из которых заняла по три стола. Ученики из других классов протиснулись к ним, чтобы найти свои группы.

Только Су Циньхань капризно сидела на краю стола 1-го класса и даже сидела рядом с Ли Таном, нагло собирая овощи и съедая их.

Ли Тан опасался, что ее тоже подвергнут изгоям, и, понизив голос, посоветовал ей:

— Если ты сделаешь это, Чжао Юйтао подумает, что ты на моей стороне...

— Ну и что? Мне что, докладывать ему, с кем хочу сидеть? — Су Циньхань невозмутимо ответила: — Кроме того, я не только внесла особый вклад, приняв участие в новогодней вечеринке, но и занимаю тридцатое место в рейтинге. Я сижу здесь с достоинством. Пусть попробует объявить мне импичмент и выгнать с места.

Услышав термин «импичмент», Ли Тан не смог сдержать улыбку.

Чем больше времени они проводили вместе, тем больше он понимал, что Су Циньхань не глупая девчонка, которая беззаветно цеплялась за него при первой встрече, а, напротив, замечательный человек, обладающий как внешней красотой, так и внутренней глубиной.

Она страстно любила и ненавидела, осмеливалась проявлять свои чувства, смело добивалась того, кого любила, плакала всю ночь после отказа и продолжала встречать восходящее солнце на следующий день. Будь на ее месте Ли Тан, независимо от того, осмелился бы он признаться или нет, после предательства его искренних чувств он, скорее всего, бросил бы школу и уехал бы в одну ночь, намереваясь больше никогда в жизни не видеть этого человека.

Как раз когда он думал об этом, человек, которого Су Циньхань так упорно преследовала, распахнул дверь и направился прямо к Ли Тану.

Когда они вышли из автобуса, Цзян Лу сказал, что собирается что-то купить в магазине. Ли Тан зашел в ресторан первым, и они расстались. Они не собирались постоянно держаться вместе, договорившись соблюдать дистанцию на людях, притворяясь обычными друзьями, чтобы не вызывать подозрений.

Таким образом, наблюдая за приближением Цзян Лу, Ли Тан вздрогнул и неосознанно укусил палочки для еды.

Как только Цзян Лу сел, Ли Тан так разнервничался, что у него перехватило дыхание.

Су Циньхань сидела рядом с ним, и почти все в комнате были знакомыми учениками по основным курсам. Совместное размещение в автобусе можно было объяснить ограниченным количеством мест в тот момент, но текущая ситуация...

Его разум все еще находился в поисках решения, когда Цзян Лу выдвинул стул рядом с Ли Таном и сел.

— ...

Ли Тан почувствовал себя беспомощным, думая: «Забудь об этом, я просто потерплю и не буду смотреть на него».

Но как он мог устоять?

Во время еды Ли Тан казался сосредоточенным на еде, но на самом деле он внимательно следил за человеком, сидящим рядом с ним.

Цзян Лу взял кусок курицы кунг пао, кусочек лука-порей, а затем еще один кусок курицы кунг пао... Казалось, что курица кунг пао была острее, чем ему хотелось.

Затем он зачерпнул ложкой суп, попробовал его и отложил ложку.

Рука Цзян Лу скользнула под стол, и он вытащил телефон. Ли Тан краем глаза успел заметить экран, на котором, по-видимому, открывался WeChat.

«С кем он общается?»

Пока он размышлял, его телефон на столе завибрировал. Ли Тан разблокировал его, чтобы проверить, и обнаружил новое сообщение в WeChat.

От Цзян Лу:

[Правый карман]

Ли Тан в замешательстве отложил палочки и пощупал карман. В нем лежало несколько круглых шариков, завернутых в пластиковую пленку.

Вытащив их, я обнаружила молочные конфеты со вкусом клубники, манго, шоколада, очень сладкие.

Его телефон снова завибрировал.

На этот раз Ли Тану не хватило смелости. Разблокировав телефон, он прикрыл экран рукой, опасаясь, что кто-то увидит.

Это снова было сообщение от Цзян Лу, краткое предложение, которое переполнило сердце Ли Тана.

[Употребление этого не вызовет диарею]

<http://bllate.org/book/13923/1226784>